

ВЛАДИМИР
КОЩЕЕВ

КОРСАКОВ
ТОМ 4

Владимир Кошечев
Корсаков. Том 4

«Автор»

2026

Кошечев В.

Корсаков. Том 4 / В. Кошечев — «Автор», 2026

Балы, красавицы, дуэли, кутежи? На что ещё тратить вторую молодость, переродившись в семье дворянина императорской России XXI века? Увы, целитель не может не помогать, иначе его дар угаснет. А стоит спасти не того, как окажется, что теперь ты под прицелом. Одного не знают враги: жизнь и смерть - две стороны одной монеты. Я Иван Корсаков, и одной рукой я исцеляю, а второй - забираю жизни. Ну что, господа, поиграем? Угадай, в какой руке...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Кощеев

Корсаков. Том 4

Глава 1

В кабинете несколько секунд было очень тихо. Я спокойно потягивал кофе, не глядя на главу рода Лопухиных. Он не требовал от меня доказательств, не упорствовал. Он давал моим словам осесть достаточно глубоко, чтобы я не ринулся в атаку сразу.

Кофе, кстати, оказался неплохим. Крепким, в меру сладким, с нужной ноткой жареных зёрен, но без гари – ровно то, что по душе мне лично. Лопухины действительно подготовились к моему визиту. По крайней мере, изучили мои вкусы.

Глава рода приготовился говорить, и я специально зажёл глаза целительским пламенем. Чтобы он понимал, что я увижу, если он решил соврать.

— К сожалению, исполнитель мёртв, ваше сиятельство, — проговорил Алексей Максимович. — И уже довольно давно. Савелий Сергеевич был нашим лучшим специалистом по тонким воздействиям. Но возраст убивает всех, даже самых лучших. Ваша матушка была последней, с кем он работал.

Я внимательно следил за ним и сейчас видел, что Лопухин говорит правду. Или свято в неё верит, настолько, что принимает за истину. Реакции организма можно подделать внешне, но не когда тебе просвечивает мозг человек, который его и собирал из обломков.

— Удобно, Алексей Максимович, — поставив чашку на блюдце, заметил я. — С трупами легко спорить – мёртвые не могут возражать против ваших слов.

— Понимаю, как это выглядит, ваше сиятельство, — склонил голову Лопухин. — И понимаю, почему вы нам не доверяете. Но я могу предоставить оригиналы документов, где представитель Шереметевых обсуждал с Савелием Сергеевичем тонкости этого заказа. К своему стыду также признаюсь, что изначально хотел назвать одного из тех, кто предал меня, мёртвую паршивую овцу, на которую можно повесить почти всё. Но потом поднял архив Савелия Сергеевича и нашёл документы, подтверждающие правду. После этого скрывать её стало бессмысленно.

Что ж, я видел, что он ответил честно. И от этого становилось только тяжелее.

Одно дело, когда тебе выдают виновника, которому ты можешь со спокойной душой отомстить. И совсем другое, когда мстить уже некому. Да, Лопухины по-прежнему виновны, но это уже не та вина. Впрочем, это не значило, что я закончил с Алексеем Максимовичем.

— Вы уже были главой рода? — после короткой паузы спросил я.

Он мог бы попытаться оправдаться тем, что ещё не знал всех тонкостей, что не вошёл в силу, как первый в роду. Но Алексей Максимович прекрасно понимал, что я увижу ложь, а потому, даже если бы хотел, не смог бы соврать. Просто чтобы сохранить свою жизнь.

— Был, — подтвердил тот. — И предвосхищая ваш следующий вопрос, я знал об этом заказе, и что его приняли. Но исполнение шло через другую ветвь Лопухиных, и тогда мне было выгоднее не спрашивать, чьими руками он работает. Поэтому я и говорю с вами, ваше сиятельство, вы спасли мне жизнь. И я буду предельно честен – в то время в семье Лопухиных был сложный период, когда мне приходилось бороться за место главы. Не так, как в момент, от которого вы меня спасли, но политически...

Он замолчал, давая мне осознать окончание фразы за него. В другой жизни я бы не понял, что именно Алексей Максимович сделал, чтобы преодолеть этот момент слабости. Но я уже восемнадцать лет живу в мире аристократов и дворян, так что прекрасно представляю, что хотел сказать глава Лопухиных.

— Вам нужны были Шереметевы, чтобы удержаться на плаву?

— Именно, — кивнул Алексей Максимович. — Юрий Петрович дал мне достаточно веса в роду Лопухиных, чтобы я встал у руля так крепко, как только возможно. Понимаю, что это не снимает с нас вины, но так и было.

Я погладил край чашки пальцем.

— Почему воздействие не спало со смертью Савелия Сергеевича? — уточнил я.

— Потому что ментальная магия не похожа на другие, ваше сиятельство. Она самоподдерживающаяся. Если менталист вложил в голову цели нужные мысли или эмоции — дальше они воспринимаются человеком, как собственные. Другой менталист может снять воздействие, но результаты влияния всё равно останутся. Конечно, многое зависит ещё и от предрасположенности цели к определённым воздействиям.

— То есть?

— Убедить алкоголика, что он может выпить ещё стаканчик, не сложно. А вот заставить человека сделать то, что ему изначально не свойственно — тут нужна очень тонкая работа. Нельзя сказать храбrecу, что теперь он трус. Его организм работает иначе. И там, где трус застывает в силу химической работы органов, нервной системы и прочих факторов, храбrec всё равно рвётся навстречу угрозе.

Я кивнул, давая понять, что услышал. За время разговора я так ни разу и не моргнул, продолжая освещать кабинет зелёным пламенем целительского дара.

— С матушкой было так же?

— Да, Савелий Сергеевич потратил на работу несколько суток, — подтвердил Алексей Максимович. — Ему потребовалось посетить больше семи приёмов, где присутствовала Анастасия Александровна, чтобы закончить систему, которую он потом активировал и больше не оказывался рядом с вашей матушкой. Отложенный запуск произошёл позднее, поэтому никто не связал происшествие с нами. Искали не в том временном окне.

Он говорил всё это не спокойно, хотя голос не дрожал. Я улавливал его страх не только взором, но и по запаху. Тело главы рода Лопухиных держалось на одной только воле. Алексей Максимович прекрасно понимал, что стоит мне только пожелать, и он не просто умрёт. Нет, хозяин этого кабинета доподлинно знал, что я оставляю людей калеками, которые неспособны управлять собственными телами.

И это его пугало.

— Ваш дар так и не вернулся? — спросил я.

— Нет, — совершенно спокойно ответил глава рода менталистов. — Мы уже подтвердили сами. Участки мозга, которые вы восстановили мне, как простецу, отвечали за дар к менталистике. Однако там уже ничего нельзя было сделать — яд был направлен именно на них, специальная отравка против менталистов. Теперь я обычный человек и ничем не могу вам навредить. В каком-то смысле это даже похоже на месть, хоть вы и не желали тогда со мной расправиться.

И я почувствовал лёгкое облегчение. Он всё ещё был виноват в том, что позволил члену семьи взять заказ на мою мать. Но он уже получил часть своего наказания. Часть, но не значит, что всё. Не значит, что я прощу двадцать лет мучений собственной матери просто потому, что Алексею Максимовичу стало чуточку неудобнее управлять кланом Лопухиных.

— Я жду от вас документы, Алексей Максимович, — допив кофе, объявил я. — Потом мы вернёмся к разговору.

Он кивнул, и когда я уже начал подниматься, глава рода Лопухиных бросил мне фразу, как гранату под ноги:

— Я не могу снять воздействие на вашу матушку, ваше сиятельство. Но Василий может. Я остановился на середине движения и снова опустился в кресло.

— Что это изменит?

Он сложил руки на столешнице.

— В случае Анастасии Александровны исчезнут установки на отсутствие амбиций к власти и влиянию. Исчезнет блокировка желаний сблизиться с людьми, с которыми ей ранее казалось невозможным поддерживать отношения. Личность останется нетронутой, но постоянное давление будет убрано. И Анастасия Александровна сможет жить дальше.

Я прекрасно понял, ради чего он это предлагает и почему выбрал именно этот момент. Потому что если я соглашусь... Нет, если матушка согласится, долг Лопухиных перед Корсаковыми станет намного меньше. А значит, вероятно, я не стану убивать всех, и род менталистов выживет.

— Это будет решать матушка, Алексей Максимович.

— Разумеется, ведь вы не глава рода Корсаковых, — легко согласился тот. — А речь идёт о том, чтобы сознательно подпустить к себе менталиста из семьи, которая однажды уже повлияла на вашу матушку. Такие вопросы не решаются за пять секунд. Но предложение остаётся на столе.

Он поднялся со своего кресла, всё ещё опираясь на трость. Я не стал комментировать это представление. Мне его показная травма не мешала. А Лопухин, похоже, просто привык ходить с тростью.

Глава рода открыл один из шкафов у стены и вытащил оттуда пухлую папку. Старую, но хорошо сохранившуюся. Внутри было настолько много листов, исписанных от руки, что Алексей Максимович с трудом удерживал её пальцами.

— Это первая часть архива Савелия Сергеевича, ваше сиятельство, — объявил он, кладя передо мной документы. — Остальное будет доставлено из его личного родового имения через трое суток. Как вы понимаете, я не храню все личные записи каждого родственника, тем более умершего почти полтора десятилетия назад.

Я кивнул, всё ещё не глядя на папку, а Лопухин вытащил ещё одну из ящика стола.

— А здесь информация по вашему отцу, ваше сиятельство, — пояснил Алексей Максимович. — Василий хотел отдать вам именно её в качестве платы за моё спасение. Я же считаю, что вы имеете право знать в любом случае. Тем более что Владимир был не просто так выбран в качестве супруга для вашей матушки.

Это известие зацепило меня ровно так, как он рассчитывал. Намёк был услышан, и несмотря на всю мою ненависть к донору спермы, который дважды оплодотворил нашу матушку, пока она была одурманена, я прекрасно понял, что Лопухин имеет в виду.

Раньше я считал, что он просто мудака, который воспользовался шансом, чтобы оплачивать свои долги. А теперь выходит, что он такая же жертва, как и наша мать. И по крайней мере взглянуть на него сейчас может быть не такой уж плохой идеей.

— Его специально сделали таким?

— Как и у многих больших кланов, у Лопухиных было много людей, которых держали под контролем, чтобы использовать в нужный момент именно тот тип человека, который будет нужен для работы. Просто мы использовали для контроля другие методы.

Я кивнул, не показывая своего отношения.

— В таком случае поговорим через три дня, Алексей Максимович.

* * *

Дамский салон «Пастила».

Екатерина Владимировна прибыла первой. Это она узнала совершенно неожиданно, но ничуть не обиделась. Маргарита Ивановна встретила её лично и тут же увела по завешанным кисейными полотнами коридорам в отдельную кабинку.

— Как же я рада тебя видеть, Катя! — сообщила Ростова, обнимая Корсакову. — Сто лет никуда не выбирались. Пока посидим вдвоём, ещё должны девочки приехать, к нам присоединиться.

Екатерина Владимировна кивнула, не скрывая улыбки.

— Я и сама рада выбраться, — поделилась она. — А то у меня дома то бесконечные уроки, то бесконечная бытовая суета. Устала уже, если честно, становиться хорошей девицей из благородной семьи. Так теперь ещё и графский титул прибавился, а это новый слой этикета, совсем другой гардероб...

Она махнула рукой, одновременно жалуясь на сложности жизни и в тот же момент напоминая, что Корсаковы получили титул. Маргарита Ивановна уловила этот намёк и улыбнулась чуть ярче.

Удивительно, но жизнерадостная младшая Корсакова действительно была её подругой. Да, младше, да, немного инфантильной. Но какой благородной девице когда мешала инфантильность? Тем более что в каждой женщине, даже ещё маленькой, должна быть своя изюминка.

— Как я тебя понимаю, Катя, — кивнула Ростова. — Меня вот дедушка взялся учить политике. И, честно тебе признаюсь, лучше бы я ещё раз окончила гимназию. Столько всякой информации в голове нужно держать, что я порой думаю, не бросить ли всё и не выскочить замуж за первого встречного.

Они негромко посмеялись. Потому что обе прекрасно понимали – ни одна, ни вторая не собирается бросать то, чем занялись. А немного кокетства никому не повредит.

— Кого ты ещё пригласила? — уточнила Екатерина Владимировна.

— Никитину, Стародубцеву, Строганову, — легко перечислила Маргарита Ивановна. — Не хочу набирать лишних людей, от них нужно постоянно прятаться и ждать удара в спину в самый неудачный момент. Ты вот слышала, что Козловская недавно была сфотографирована в момент, когда открывает рот, чтобы кусочек шоколадного торта съесть?

— Так она там торт ест?! — прыснула от смеха Корсакова. — А выглядит так отвратительно, я её даже не сразу узнала.

— Конечно, торт-то обрезали, — подтвердила Ростова. — И главное, что выложила это фото её дорогая подружка, Танечка.

На секунду Екатерина Владимировна застыла.

— Серьёзно? За что?

— Козловская у Пеньковской мальчика увела на балу, — отмахнулась Маргарита Ивановна. — Один танец всего, и они вроде как помирились между собой. А потом Пеньковская тайком сделала снимок, и это фото теперь летает по всей сети, и его не вырвешь оттуда уже никаким образом. Так что никаких посторонних сегодня, только хорошая компания девиц, которым я доверяю лично.

Корсакова кивнула чуть медленнее. Она прекрасно осознавала, что ей необходимо выходить в люди после похищения. Что она не может всю жизнь просидеть дома, прячась от мира. Но пока что в толпы на приёмах и балах её не тянуло. А вот такая камерная встреча вполне годилась для возвращения в социум.

Да и действительно усталость от постоянных тренировок и обучения магии накапливалась. А универсальный маг не то же самое, что целитель, который может сутками бегать свежим без отдыха и сна, на одном даре.

Они заказали себе по клубничному коктейлю, к нему воздушные пирожные, сладкие ровно настолько, чтобы хотелось запить вкусеньким, но при этом не терпким. И пока ждали заказ, успели обсудить практически всех знакомых.

Екатерина Владимировна ощутила себя уже вполне отдохнувшей. И в этот момент подъехала Инна Витальевна Никитина.

— Ваше сиятельство, — обратилась она первой к равной по титулу. — Рада видеть.

Младшая Корсакова поднялась из-за стола и коротко обняла её.

— Просто Катя, как раньше, — ответила гимназистка.

— Инна, как раньше, — с улыбкой отозвалась Никитина.

Обе поцеловали воздух у щеки, и только после этого Инна Витальевна повернулась к Ростовой.

— Маргарита Ивановна, благодарю за приглашение.

— Мне приятно, что вы сочли возможным его посетить, ваше сиятельство, — отозвалась та. — Садись, Инна, мы уже заказали на всех.

Графиня обвела взглядом стол, как будто только сейчас его заметила. И села со стороны Ростовой. Специально, чтобы не превращать половину стола в аристократическую. А так остальным будет комфортно, и никто не почувствует себя отделённым титулом. Иначе получилось бы дворянки против аристократок, а так была видимость равенства благородных девиц.

— Простите, что опоздала, — ничуть не извиняющимся тоном произнесла она. — Всё никак не могла выбрать, в чём прийти. Впрочем, в последнее время это становится проблемой для всех благородных дам. Сезон заканчивается, новинок нет, а всё, что уже отгремело, будет выглядеть повторением, и кто-нибудь обязательно решит, что Никитины обеднели. Такая морока.

Ещё одна колкость за столом к тем двум, которые ранее выложили друг другу Корсакова и Ростова. Чтобы перебрать даже только достойные коллекции, нужно потратить огромные деньги, и раз Инна всё уже переносила, значит, у Никитиных действительно нет проблем со средствами, и к тому же графиня настолько популярна, что успела за лето надеть каждое из платьев.

— И не говори, — поддержала её Екатерина Владимировна. — Но я уже видела каталоги на осень. Там будет несколько интересных идей.

— Откуда?

— У моего преподавателя универсальной магии дочь работает в модном доме, — махнула вилкой над пирожным Корсакова. — Так что я уже кое-что присмотрела. Так, исключительно для себя.

Глаза второй графини за столом загорелись настоящим азартом.

— Ты же поможешь подруге?

Ростова беззвучно улыбнулась уголком губ, который был незаметен со стороны Никитиной. Она прекрасно понимала, что их короткий союз мог распасться после того, как Анастасия Александровна отказала Виталию Владиславовичу. И сейчас Инна делает то же, что и сама Маргарита Ивановна – входит в круг сестры будущего императора.

— У меня есть несколько эскизов, которые можно показать, — легко кивнула Екатерина Владимировна, с таким видом, как будто не понимала подоплёку разговора.

Но Ростова не обманывалась. Катя уже была не той девчонкой, которую Миронов мог похитить. Теперь перед ней сидела молодая, но очень талантливая волшебница. И пока никто не знал, насколько сильна Екатерина Владимировна, все вокруг будут думать о ней в неправильном ключе.

Потому что универсальная магия не только дар, но и определённый тип мышления, позволяющий с ней работать. Прежде младшая Корсакова пренебрегала своим врождённым талантом, но теперь, когда начала его применять, это была совсем иная девица.

— Я с радостью посмотрю, — с благодарностью склонила голову графиня Никитина.

И вечер продолжился.

Глава 2

Кремль, личные покои её императорского высочества.

Екатерина Юрьевна вошла к дочери в простом домашнем платье. Естественно, таковым оно было только для членов правящего рода. Потому что на нём хватало и драгоценных камней, и золота, не всякая аристократическая семья позволяла себе такие наряды, а для государыни это был наряд для передвижения по крылу рода.

Дарья Михайловна сидела в кресле, поджав одну ногу под себя, и разбирала служебные документы. Волосы наследницы престола были влажными после душа и лежали на плечах, придавая ей совершенно неделовой вид. Простая блузка и муслиновая юбка дополняли образ.

Её императорское величество машинально отметила, как её дочь выросла. Сейчас перед Екатериной Юрьевной была не её маленькая девочка, какой она видела Дарью до последнего момента. Нет, даже с мокрыми волосами, в простой одежде, в этой легкомысленной юбке – это была наследница престола.

То, чего Железная Екатерина так боялась, стараясь оградить единственного ребёнка от слишком раннего взросления, случилось именно потому, что императрица пыталась от этого уйти.

Её императорское высочество отложила ручку, которую до этого вертела в пальцах, и впервые взглянула на мать.

— Я слушаю.

И всё. Никаких «здравствуй, мама», никакого «добрый вечер». Только холодное, ледяное «я слушаю», в котором слишком явно звучали нотки самой Екатерины. Те самые, благодаря которым она после гибели мужа стала Железной. И теперь перед ней, поджав под себя ногу, сидела её молодая копия.

Только в отличие от самой государыни её дочь не была трусихой.

— Я пришла поговорить, — объявила Екатерина Юрьевна.

— Говори.

— Не нужно общаться со мной так, будто я прокажённая, Дарья Михайловна. Я всё ещё твоя мать и государыня.

Наследница престола улыбнулась.

— Конечно, ваше императорское величество. Чего изволите приказать, ваше императорское величество? — абсолютно ледяным тоном спросила она. — Выберете мне нового жениха, потому что этот вам уже не нравится? Постойте, ваше императорское величество, но вы ведь с самого начала хотели, чтобы Иван Корсаков лишь изображал моего фаворита. Но не стал супругом, верно?

— Ты слишком молода, чтобы понимать всё, что происходит на самом деле.

Дарья Михайловна кивнула, отчего её влажные волосы уронили несколько капель воды на блузку.

— Именно поэтому я научилась читать документы, ваше императорское величество, — проговорила наследница престола. — В них написаны факты. Вы же сами определили меня служить в прокуратуру. Удивительно, что в ней нашлись достойные преподаватели, которые решили, что раз наследницу престола прислали к ним, значит, нужно учить на совесть.

Каждое слово, которое она говорила, каждое подчёркнутое «вы» царапало императрице сердце. Но она не подавала вида. Слишком много лет Екатерина Юрьевна провела в Кремле, чтобы показывать кому-либо свои истинные чувства.

Дарья Михайловна взяла паузу – ровно столько, сколько было нужно для одного вдоха.

— И вот что открыли мне факты, — продолжила наследница престола. — Все победы Железной Екатерины, вся эта замечательная легенда о том, как вы остановили развал страны...

Всё это оказалось результатом действий других людей, который вы просто приняли, потому что вам так было удобно.

— Это и есть власть.

— Это трусость и присвоение, — возразила Дарья Михайловна. — Вы, ваше императорское величество, не отдавали приказов, люди сами делали то, что были обязаны. А вы просто приходили на расчищенную другими дорогу и делали вид, будто добились результата сами. Корсакову околдовали? Ой, это папочка постарался, а я ни при чём. Долгоруковы борются за будущее Российской империи, устраняя сепаратистов? Хорошо, я постою рядом, побуду знаменем.

— В тебе говорит злость, Даша.

— Да, чёрт возьми! — Дарья Михайловна вскочила на ноги, и её голос сорвался на крик. — Да, я злюсь, мама! Потому что всю свою жизнь я считала тебя настоящей героиней, а ты оказалась трусихой. Думаешь, я хотела власти?! Думаешь, мне была нужна корона и титул императрицы?! Да в гробу я всё это видела, я бы с радостью осталась украшением у твоего престола. Но ты как начала свою карьеру с предательства и трусости, так и продолжала всё это время. И теперь я должна взять всё в свои руки, потому что все остальные варианты ещё хуже!

Её императорское величество не сделала попытки оправдаться. Потому что поняла, что дочь нашла больше, чем дело Корсаковой. И теперь все грехи Железной Екатерины летели ей в лицо из уст собственного ребёнка. Повзрослевшего, но всё ещё ребёнка.

— Скажи, мама, — уже без крика, но с полным яда голосом заговорила наследница престола, — когда твой отец застрелился, что ты на самом деле почувствовала: боль от смерти близкого или облегчение, что теперь тебе не придётся брать ответственность за его ошибки?

Этого государыня уже не выдержала.

— Он был моим отцом, Даша.

— А я – твоей дочерью. И это ничего не меняло, ты всё равно выбирала собственное удобство.

Дарья Михайловна упёрлась руками в столешницу и свесила голову. Влажные волосы упали, скрывая её лицо. И наследница престола произнесла уже совсем лишённым эмоций голосом:

— Уйди, пожалуйста, мам. Иначе я наговорю того, от чего нам обоим станет ещё хуже. Мы поговорим с тобой обязательно. Просто...

— Не сейчас, — договорила за будущую государыню Екатерина Юрьевна.

— Да.

Её императорское величество направилась к выходу и только в дверях обернулась.

— Я хочу, чтобы ты помнила. Я всё равно буду тебя любить, Даша, — произнесла она. — Даже если ты больше не позволишь мне быть твоей матерью.

Не дожидаясь ответа, Екатерина Юрьевна покинула покои дочери. И только поэтому не увидела, как на стол и документы падают первые слёзы наследницы престола.

* * *

Иван Владимирович Корсаков.

— Я приму его предложение, — озвучила своё решение матушка вчера вечером.

Я не стал переспрашивать, уверена ли она. Мы не в дешёвой мелодраме, здесь глава рода приказала, остальные исполняют. Пусть я и люблю матушку, это не значит, что я стану оспаривать её авторитет. Не после того, как она объявила, что не позволит обходить себя, как с ней поступали вот уже двадцать лет.

Да и потом, Василий мне должен, он не станет нам вредить сейчас. Не потому что я такой наивный доверчивый идиот, нет, всё гораздо прозаичнее и приземлённей. Потому что Василий Алексеевич Лопухин прекрасно понимает, какое наказание ждёт его клан, если наследник главы решит как-то повлиять на нас с матушкой.

Опять же, это в восемнадцать Анастасия Александровна могла быть лёгкой целью для чужой магии. Но теперь, когда её дар развился, он будет защищать её просто по факту своего существования и мощи. А это значит, что у меня будет время оборвать жизнь Василия Алексеевича при малейшем сигнале от матушки, что что-то пошло не так.

Оставлять процесс без контроля – глупость. Лопухиным доверять нельзя, и мы оба это понимали. Если что-то пойдёт не так, я вырежу их всех до единого, а потом просто найду других менталистов. Если тут целый клан народиться успел, в других местах тоже могут быть, надо только поскрести чуть более усердно.

Но это будет не сегодня, естественно. А потому на сегодня я воспользовался кое-какими старыми навыками, чтобы организовать вечер. И для кое-кого это станет приятным сюрпризом.

Семён остановил автомобиль перед проходной в корпус целителей, и я выбрался наружу. Утреннее солнце было спрятано за густыми облаками, по прогнозу обещали сильные ливни с грозой, но настроение у меня было хорошим.

Все тревоги и переживания отступили на второй план, потому что у меня сейчас было дело, которое спасёт жизни людей. А значит, я на своём месте.

Метёлкин встретил меня уже у стойки администраторов. Коротко кивнув, он сразу пошёл навстречу с двумя планшетами в руках.

— Доброе утро, Иван Владимирович, сегодня у нас Чумаковка, — объявил мой куратор. — И начнём мы с приятного. Лептоспироз в тяжёлой форме. Почки в кашу, печень на последнем издыхании, сосуды дырявые. Всё как положено.

— И вам утро доброе, Всеволод Серафимович, — принимая свой планшет, ответил я.

— Весь день там будем. До последнего клиента, как в хорошем ночном клубе, — усмехнулся Метёлкин. — Машина уже ждёт.

Императорский госпиталь особо опасных инфекций имени графа Михаила Петровича Чумакова был, как ясно из названия, местом только для инфекционных заболеваний. Для простецов подобные места всегда были клоакой, из которой можно вытащить целую кипу диагнозов, просто постояв рядом с открытым окном. Для целителей – всего лишь не самая приятная картина.

Машина корпуса тронулась, стоило нам с Метёлкиным только пристегнуться. Дежурный водитель рулил уверенно, плавно и не заставляя автомобиль раскачиваться, как корабль в шторм. Так что мы с Всеволодом Серафимовичем могли воспользоваться возможностью, чтобы распределить пациентов в порядке очерёдности.

После Коралловой это стало некой традицией.

— Итак, с лептоспирозом ясно, — проговорил Метёлкин. — Выбирайте второго, Иван Владимирович.

Я кивнул и прошёлся взглядом по списку. Госпиталь обладал внушительным размером, а потому спокойно вмещал сотни пациентов на регулярной основе. Однако нам отдавали только один корпус, и я видел рабочую заметку от матушки – в других корпусах будут работать другие целители.

То есть нам не нужно спасать абсолютно весь госпиталь, только маленькую часть. Сорок шесть пациентов. Раньше это бы показалось огромным числом, а сейчас просто полезная нагрузка и тренировка контроля.

— Менингококковая инфекция, — озвучил я.

Всеволод Серафимович кивнул одобрительно.

— Хороший выбор. Некроз пальцев, отёк мозга. Вы самую мякотку хотите за утро отработать?

— Люди страдают, — пожал плечами я. — Молниеносное течение опасно.

Куратор принял мой комментарий без эмоций.

— Что ж, следующего выбираю я.

Так наш день и начался.

* * *

Корпус целителей.

Кортеж Долгоруковых подъехал к месту службы графа Корсакова без помпы. Со стороны должно было казаться, что наследница престола просто приказала остановиться именно здесь по своим причинам. Не было ни торжественной встречи администрации целителей, ни ковровой дорожки с ограждением. Автомобиль, везущий будущую государыню, просто встал напротив проходной.

Дарья Михайловна выглянула наружу сквозь капли воды на бронированном стекле. Сквозь мутноватые следы сперва проступила мужская фигура в униформе целителя, затем она приобрела черты Вани. И сутки, которые вчера завершились разговором с её императорским величеством, сразу же стали легче.

Дверцу граф открыл легко, охрана ему не препятствовала. Дарья Михайловна посмотрела на своего будущего жениха и не смогла удержаться от улыбки.

— Ваня, — первой выдохнула она.

Он выглядел немного осунувшимся после тяжёлого дня, но это не делало его слабым. Наоборот, придавало мужественности. Чуть заострившиеся черты лица, аккуратная линия подбородка и те самые спокойствие и уверенность во взгляде зелёных глаз, что так покорила её на первой встрече.

— Даша, — улыбнулся в ответ он, прежде чем в одно движение оказаться рядом на сидении.

Его пальцы мгновенно оплели её руку, в одно касание отодвигая всё плохое, что преследовало наследницу престола целые сутки. Тепло его ладони было таким приятным, таким уютным, что на секунду её императорское высочество ощутила желание прижаться к нему крепче, чем можно было бы позволить.

И не отпускать больше никогда.

— Как прошёл твой день? — спросила она лишь только для того, чтобы не подчиниться этому желанию.

— Много пациентов, — чуть наклонив голову, но не сводя с неё своего взгляда, ответил Иван.

А потом поднял её руку к губам и поцеловал каждый палец по очереди. Автомобиль успел за это время тронуться с места, но Дарья Михайловна даже не обратила на это внимания. Она знала, что Ваня не стал бы просто так просить её о личной встрече, а потому готовилась к неприятному разговору и впитывала их близость всем телом, всей душой. Чтобы запомнить эти моменты надолго.

— Но ты всех спас? — зачарованно глядя в его глаза, тихо уточнила она. — Конечно, ты всех спас.

— Исцелил, — с самым серьёзным лицом, на какое только оказался сейчас способен, поправил он и тут же улыбнулся. — Я скучал. Смотрел на мир и думал о тебе.

От его слов по позвоночнику к голове промчалась волна горячих мурашек. Наследница престола ощутила, как чуть-чуть краснеют щёки. Но не стала прятать свою реакцию, у них было слишком мало моментов вместе, чтобы притворяться.

— Я тоже много о тебе думала, — произнесла она.

— Надеюсь, в твоих мыслях я был так же блистателен, как и во всём остальном? — уточнил он и сразу же добавил: — Впрочем, даже если нет, сейчас я это исправлю.

И не спрашивая разрешения ни словом, ни взглядом, он положил руку ей на затылок, притянул к себе. И поцеловал. Так горячо и нежно, что Дарья сразу же ощутила, как рушится вся наследница престола внутри неё, вся власть и проблемы – всё ушло куда-то далеко, пере-

стало существовать. Осталась только Даша, которую целовал властно и невероятно приятно её Ваня.

Жар поднялся у неё под рёбрами, раскрылся цветком, согревая замёрзшее от неприятных разговоров и мыслей тело. Пробуждая жизнь в той, кто ещё несколько минут назад мрачно смотрел в окно автомобиля.

Как её руки оказались у него в волосах, она и сам не заметила. Просто в какой-то момент ладони чуть сжали их, прошли по скулам, опустились на плечи. Дыхания становилось всё меньше, но она не хотела разрывать поцелуй. И он сам, как и всегда, дал ей вдохнуть, прижавшись лбом к её лбу.

Грудь поднималась резко и глубоко, возвращая Дарью на землю. Она не спешила открывать глаза, чтобы это чудесное время не закончилось. И он, будто читал её мысли, взял её за талию, прижал к себе и вновь поцеловал, разжигая пламя, которое уже медленно тлело внутри неё.

Горячие мужские ладони, жгущие даже сквозь одежду, жар его дыхания, костёр, в котором она таяла, как кусок льда. Это был головокружительный коктейль, который не хотелось прекращать пить. Ей казалось, он вдыхал в неё жизнь. И с каждым ударом бешено колотящегося сердца ей хотелось большего.

— Даша.

Она подняла веки, услышав его шёпот, и с удивлением заметила, что его китель уже расстёгнут, а её ладони у него под рубашкой, выпущенной из-под ремня. Мысль о том, что это сделала она и даже не заметила, не ударила, а принесла лишь удовлетворение. И жажду шагнуть дальше.

Именно сейчас, когда она чувствовала под своими ладонями, как колотится его сердце. Как горит его кожа. От взгляда зелёных глаз, в которых безо всякой магии пылало пламя желания. Это было почти смешно, целитель, который мог управлять собственным телом настолько идеально, что способен спорить со смертью, сейчас пылал от её ладоней и поцелуев.

Но смеяться не хотелось совершенно.

— Прости, — ни капли не извиняясь, прошептала она, прежде чем прижаться к его плечу головой.

Именно в этот момент она заметила, что автомобиль движется незнакомым маршрутом. За окном проносились какие-то улицы, которых она не узнавала, вывески, встреченные впервые в жизни.

— А куда мы едем? — шёпотом спросила она.

Ваня обнял её крепче, прижимая к себе, и так же тихо ответил ей на ухо:

— Я подумал, что после всех этих масштабных событий нам с тобой просто необходимо провести время вместе, — сообщил её невозможный мужчина.

Она моментально подумала о том, что организовать такую поездку для человека, который не входит в круг Долгоруковых, должно быть невероятно сложно. Он даже сделала всё, чтобы ей не сообщили о цели поездки!

Имперская канцелярия, гвардия Долгоруковых. Куда бы они ни ехали, он должен был всё подготовить, согласовать время, место, дать время гвардии проверить безопасность площадки. И вот теперь оказывается, что собственная охрана держит интригу. От неё, наследницы престола, скрывают, куда она едет!

Это было настолько невозможно, что хотелось рассмеяться.

— Ты невероятен, — признала она, поднимая глаза на него.

Ваня улыбнулся так, что её сердце вновь затрепетало в груди.

— Да, тебе со мной очень повезло, — ничуть не стесняясь, ответил он. — Пришлось подёргать за ниточки, чтобы всё получилось так, как надо. Полагаю, у тебя нет времени следить за новинками?

— О чём ты?

— Ты моя девушка, Даша. В ресторане мы уже были, в ночном клубе танцевали. Самое время посмотреть кино.

— Ты организовал нам ложу? — уточнила она.

Ваня улыбнулся и поцеловал её в кончик носа с видом победителя.

— Лучше, Даша. Я арендовал кинотеатр.

Глава 3

Исторический дворец купцов Сыромятниковых.

Екатерина Владимировна вышла из автомобиля, когда водитель открыл ей дверь. Лёгкое вечернее платье окутывало её фигуру. Каблуки не делали её слишком высокой, но подчёркивали осанку. Матушка смотрела без особого одобрения, потому что, по её словам, слишком подсвечивали зад, но младшей Корсаковой нравилось.

Анастасия Александровна встала рядом с дочерью и взяла её под руку. Слуга с поклоном поприветствовал их обеих:

— Ваши сиятельства, прошу вас следовать за мной.

Екатерина Владимировна разглядывала невысокий белый дворец, отреставрированный совсем недавно, но в полном соответствии с эпохой. Не было видно ни современных фонарей, ни камер наблюдения. Всё это, конечно же, присутствовало, иначе бы никто не отправил свою молодёжь сюда, но в глаза не бросалось.

И с каждым шагом, который приближал Корсаковых к дворцу, казалось, будто они идут не просто к старому зданию, а перемещаются назад во времени. Любопытный эффект, который производил приятное впечатление и не давил, как обычно происходит со старыми постройками.

— Я не буду с тобой весь вечер, — напомнила глава рода. — Проведёшь время со своими подругами, повеселишься, и поедem домой.

Екатерина Владимировна улыбнулась в ответ.

— Да, матушка.

Вечер, на который они приехали, официально значился как благотворительный. На деле же он был одним из тех мероприятий, где благородная молодёжь смотрела друг на друга внимательнее, знакомилась и общалась. А в это время старшие дамы, сидящие в стороне, делали вид, будто не замечают, как именно складываются новые знакомства.

Екатерина Владимировна знала, что на неё будут смотреть. И это не вызывало у неё страха, как ещё совсем недавно после похищения. Теперь на её лице была улыбка, и её сиятельству не приходилось прилагать для неё усилий. Младшая Корсакова не собиралась становиться удобнее для окружающих.

Она собиралась жить.

Остановившись у высокого стола с вазой тонких печений, она провела пальцами по гладкой ножке бокала и позволила себе улыбнуться. Лимонад был вишнёвый, холодный, с крошечными пузырьками, которые щекотали язык. Платье сидело идеально. Рыжие волосы уложили так, что несколько прядей будто случайно выбивались у висков, хотя над этой случайностью горничная трудилась почти полчаса. В ушах мерцали небольшие серьги с зелёными камнями — не слишком взрослые, но уже и не детские.

Екатерина Владимировна очень хорошо понимала, что выглядит красиво. Раньше ей это просто нравилось, теперь она была почти счастлива.

После коллектора многое стало резче. Музыка громче, свет теплее, сладкое вкуснее, а смех подруг — важнее. Красивые платья, мужские взгляды, возможность выйти в зал и самой выбрать, с кем танцевать, больше не казались естественной частью жизни, которую можно отложить на потом.

Потому что она теперь прекрасно ощутила то, что другие только знают: потом могло не быть.

И именно поэтому Катя хотела жить сейчас. Не бездумно, не глупо, не как идиоты с жаждой взять от жизни всё, а потом подохнуть от запретных удовольствий. Не так, чтобы снова оказаться слабой и беспомощной.

Она слишком хорошо помнила, как пахнет страх. Слишком хорошо помнила, как подгибаются ноги, когда понимаешь: никто не успевает, а сама ты не умеешь ничего.

Теперь она училась магии, аристократическому этикету, защите, внимательности. Тому, где заканчивается улыбка и начинается угроза. Но учиться жить она тоже собиралась.

— Ты улыбаешься так, будто уже придумала какую-то глупость, — вставая рядом, заметила Маргарита Ивановна Ростова.

Подруга сегодня была в тёмно-вишнёвом платье. Не слишком броском, но настолько идеально подобранным, что ему и не требовалось быть вычурным, чтобы привлекать внимание окружающих.

— Почему сразу глупость? — возмутилась Корсакова.

— Потому что умные решения ты обычно так не встречаешь, — подходя к ним, мягко сказала Инна Витальевна Никитина.

Графиня Никитина стояла вполоборота к залу, держа бокал двумя пальцами, будто он был не напитком, а частью композиции. В светло-сером платье с серебряной вышивкой она выглядела старше своих лет, спокойнее и недостижимее. Инна могла одним взглядом заставить собеседницу вспомнить, что титул — это не украшение, а оружие, если его правильно держать.

С другой стороны стола уже подходила Александра Борисовна Строганова.

Екатерина Владимировна пока ещё не до конца понимала, как правильно относиться к Строгановой — слишком мало они друг друга знали. Александра Борисовна была вежлива, внимательна, даже дружелюбна, если это слово вообще подходило к этой девице, будто закованной в самую тяжёлую броню на свете.

Строганова принадлежала к тем, кого называли в шутку ультраправыми, а всерьёз охранителями. Александра Борисовна была из тех семей, где девочкам с детства объясняли, что честь рода не обсуждают, а врагов не переубеждают, если рядом в руках достаточно крупный калибр.

Сегодня Строганова была просто гостьей, как и остальные, и это нравилось Корсаковой, потому что здесь никто из них не мог сказать: «В моём доме». Сегодня в особняке купцов Сыромятниковых все стояли на одной земле, под одним светом и под надзором одних и тех же старших.

— Я ничего не придумала, — ответила Екатерина Владимировна, прежде чем сделать глоток лимонада. — Пока.

Ростова фыркнула.

— Вот это «пока» меня и тревожит.

Корсакова уже собиралась ответить, но в этот момент музыка сменилась. Не резко, без объявления, просто скрипки взяли новый ритм, и зал чуть оживился. Молодые люди, до того стоявшие группами, начали расходиться, приглашая девиц.

И тогда в поле зрения Екатерины Владимировны попался Андрей Васильевич Смирнов.

Он стоял у колонны с искренней улыбкой на лице, слушая Павла Сергеевича Оболенского. И выглядел так, будто этот вечер был устроен лично для его удовольствия. Высокий, широкоплечий, светлый, с той самой нахальной уверенностью, которая у одних мужчин превращалась в хамство, а у других — в обаяние.

Катя помнила Смирнова ещё по гимназии. Андрей Васильевич тогда смотрел на неё открыто, с удовольствием, не притворяясь слепым, как подавляющее большинство старших гимназистов. Он мог отпустить шутку, говорил комплимент так, чтобы окружающие услышали и улыбнулись. Мог любоваться настолько ярко, что Корсакова чувствовала себя красивой не потому, что дома её нарядили, а потому что кто-то смотрит и видит.

Но он ни разу не позволил себе лишнего.

Ни разу.

В этом была разница, которую раньше младшая Корсакова понимала умом, а теперь чувствовала кожей. Мужчина мог хотеть понравиться, восхищаться, быть шумным, дерзким, даже немного нахальным. Но между «видеть красивую девушку» и «считать, что она тебе что-то должна», лежала граница.

Смирнов эту границу видел, Миронов даже не подозревал о её существовании, пока Иван Владимирович Корсаков не унизил его перед всей гимназией. И после всего случившегося это делало Андрея Васильевича не просто красивым молодым человеком. Это делало его безопасным.

Тем, рядом с кем можно было выйти на паркет и не думать каждое мгновение, где его руки, что он позволит себе после танца и не придётся ли потом улыбаться сквозь отвращение, потому что зал смотрит.

Смирнов тем временем поклонился Малюковой.

Варвара Григорьевна была высокой, темноволосой, с гладкой причёской и лицом, на котором мягкость появлялась только тогда, когда могла кого-нибудь унижить без прямого нарушения приличий. Даже не вращаясь в одних кругах, Екатерина Владимировна оказалась информирована о Малюковой настолько, что стоять рядом с ней не хотелось.

— И эта здесь, — едва не сквозь зубы выдавала Строганова. — Принесли же черти.

Всё это было сказано настолько искренне, что могло бы показаться, будто у Александры Борисовны имеются личные счёты к сопернице. Но на деле всё было куда глубже.

Потому что Малюковы были противоположностью Строгановых. Либеральные семьи любили говорить о свободе, особенно когда были уверены, что свобода закончится ровно там, где начинаются их собственные желания. Ратовали за то, чтобы дворяне и аристократы становились ближе к простонародью. Но сами почему-то так никогда не поступали.

Варвара Григорьевна тем временем приняла приглашение Смирнова с улыбкой, и они вышли на паркет.

Екатерина Владимировна смотрела за тем, как они двигаются. В ней не было ни капли ревности, просто не к чему было ревновать. Андрей Васильевич не принадлежал Малюковой, как и кому бы то ни было в этом зале. Но танцевал он хорошо, не идеально, зато делал это с таким удовольствием, что вокруг становилось веселее.

Корсакова допила лимонад.

— Не смотри так, — тихо, почти на ухо произнесла Ростова.

Екатерина Владимировна обернулась к подруге и уточнила с интересом:

— Как?

— Слишком честно, — пояснила Никитина, стоя рядом. — Смотри так, будто тебе всё равно.

Корсакова не удержалась от улыбки.

— Но мне не всё равно, — возразила она.

Инна Витальевна чуть подняла бровь.

— Екатерина Владимировна, вы намерены принять приглашение Андрея Васильевича, если он подойдёт? — уточнила графиня.

Кривить душой не было смысла. А потому младшая Корсакова ответила быстро и максимально честно:

— Да.

— Разумно, — неожиданно поддержала Строганова. — Смирнов не трус, не болтун и не подлец. Для первого возвращения в танцевальный зал выбор грамотный.

Сказано это было так сухо, что Катя не сразу поняла, что её только что подбодрили. А когда осознала, то почувствовала к Александре Борисовне внезапную благодарность.

Танец закончился. Смирнов проводил Варвару Григорьевну к её кругу, поклонился и что-то сказал. Малюкова улыбнулась, пока её подруги в количестве трёх совершенно одинаковых на первый взгляд девиц весело хихикали, гадко изображая кокетство.

Екатерина Владимировна отметила это машинально и тут же отвлеклась, потому что Смирнов повернулся, и на мгновение их взгляды встретились.

Андрей Васильевич улыбнулся так широко, будто только что нашёл в зале именно то, что искал. Он сказал что-то стоящему рядом Оболенскому, отмахнулся от него и направился прямо к столу, где стояли Корсакова и её подруги.

Сердце у неё ударило чуть быстрее, и к щекам прилила кровь. В этот момент Екатерина Владимировна позавидовала брату и матушке. Целители могли в совершенстве владеть собственным организмом, а у неё так не выходило.

Смирнов остановился перед ней и поклонился ровно настолько низко, насколько следовало перед молодой графиней.

— Ваше сиятельство, — произнёс он, и в глазах у него смех искрился ярче хрусталя. — Позвольте пригласить вас на танец?

Ростова молчала, давая подруге принять решение самой. Графиня Никитина смотрела спокойно. И только Строганова чуть заметно кивнула, будто подтверждая: да, можно.

Корсакова поставила бокал на стол.

— С удовольствием, Андрей Васильевич.

Его ладонь была тёплой, сильной и очень аккуратной. Смирнов не пытался изображать воздушное создание, которое боится коснуться девицы. Он вёл уверенно. Но пальцы лежали именно там, где должны были лежать, не ниже, не крепче, не дольше, чем позволял танец. И когда музыка подхватила их, Катя вдруг поняла, что улыбается уже без всякого контроля.

Жить было хорошо.

Паркет скользил под туфлями, свет кружился вместе с залом, рядом смеялся Андрей Васильевич, рассказывая что-то о том, как Оболенский пытался спорить с музыкантом о темпе и был разбит в пух и прах одним взглядом первой скрипки.

— Вы опасно веселы сегодня, Андрей Васильевич, — заметила младшая Корсакова.

— А вы опасно прекрасны, Екатерина Владимировна, — ответил на это Смирнов.

— Это официальный комплимент? — приподняв бровь, уточнила она.

— Что вы, ваше сиятельство? — возразил он с видом оскорблённой невинности. — От чистого сердца сестре моего одноклассника.

Екатерина Владимировна рассмеялась, и Смирнов улыбнулся в ответ, после чего чуть изменил шаг, уводя её от другой пары. Сделал это легко, без суеты, не притягивая её к себе сильнее нужного. Корсакова заметила и это, ещё раз подтверждая, что с ним действительно было безопасно.

— Иван Владимирович знает, что вы здесь? — спросил Андрей Васильевич.

— Разумеется, — ответила та.

— И не приказал окружить зал артиллерией?

— Только лёгкими орудиями, — посмеялась Екатерина Владимировна. — Тяжёлые оставили дома. Матушка сочла, что для благотворительного вечера это чрезмерно.

— Рад слышать, что глава рода Корсаковых умеет проявлять милосердие, — дипломатично ответил он.

— Иногда.

Танец закончился слишком быстро.

Смирнов проводил её обратно, поклонился, сказал, что был счастлив, и почти сразу оказался перехвачен Оболенским и ещё двумя молодыми людьми. Через несколько секунд Андрей Васильевич уже смеялся у другой колонны. Его жизнерадостность как будто передалась младшей Корсаковой, и это радовало больше, чем просто танец.

Она успела только взять новый бокал лимонада, когда Малюкова с подружками подошла к их компании.

Не одна Варвара Григорьевна, разумеется. Сначала Малюкова, рядом с ней Софья Кирилловна Бестужева, чуть позади — Елена Матвеевна Руднева и Полина Аркадьевна Каверина. Четыре девицы остановились напротив четырёх девиц у стола, и младшая Корсакова внезапно ясно увидела расстановку, будто кто-то начертил её на полу.

Слева — они. Справа — Корсакова, Ростова, Никитина и Строганова.

Весь зал уже смотрел в их сторону, отмечая конструкцию начинающегося противостояния между правыми и левыми прямо посреди благотворительного вечера.

Варвара Григорьевна улыбалась.

— Екатерина Владимировна, — с преувеличенной заботой в голосе произнесла Малюкова, — надеюсь, вы не сочтёте моё замечание неуместным. Всё-таки вы только входите в серьёзный свет, и некоторые вещи лучше понимать до того, как они начнут вредить вашей репутации.

Та всё ещё пребывала в хорошем настроении, но поставила бокал обратно на стол уже в полной готовности бороться. Если придётся — даже с магией. Она слишком хорошо знала настоящий страх, чтобы путать его с девичьей ядовитостью.

— Говорите, Варвара Григорьевна, — фирменным тоном Анастасии Александровны, от которого дрожали подчинённые и вытягивались по струнке сильные мужчины, произнесла младшая Корсакова.

Малюкова чуть склонила голову.

— В вашем возрасте непосредственность может быть очаровательной, правда. Но только до тех пор, пока не начинает выглядеть поспешностью. Особенно в отношении молодых людей, которые уже уделили внимание другой даме.

Ростова медленно повернула голову, как будто рядом с ней внезапно заговорило дерево. Инна Витальевна не изменилась в лице. Строганова посмотрела на Малюкову так, будто мысленно уже взводила винтовку.

Корсакова же вдруг ощутила удивительную ясность. Прежде она могла бы растеряться, начать объяснять, что ничего такого не имела в виду и Смирнов сам к ней подошёл. Что это был всего лишь танец, что она не хотела никого обидеть.

Но сейчас у неё даже мысли такой не возникло.

— То есть, — совершенно спокойно произнесла Екатерина Владимировна, — вы сейчас пытаетесь сказать, что Андрей Васильевич ваш жених?

Улыбка Малюковой на мгновение застыла, а сопровождающая её Софья Кирилловна чуть прищурилась.

— Екатерина Владимировна, — мягко произнесла Варвара Григорьевна, — вы хотите начать наше общение с конфликта.

— Вы сами подошли ко мне и моим подругам, — она обвела девиц рядом с собой рукой, — с видом, как будто идёте не говорить с девицей, а на войну.

Она услышала тихий выдох Маргариты Ивановны, и этот звук заставил Екатерину Владимировну улыбнуться. А вот Малюкова уже не выглядела ласковой.

— Какой резкий вывод, — приподняв подбородок, вставила Руднева.

— Зато точный, — усмехнулась Инна Витальевна.

— Я всего лишь напомнила, что в обществе существуют правила, — сказала Варвара Григорьевна. — Молодая девица не должна бросаться в каждый танец только потому, что кавалер красив и достаточно любезен, чтобы не отказать.

Вот теперь удар стал почти прямым. Формально всё ещё было достаточно прилично. Но Корсакова услышала всё: мелкая, глупая, доступная. Из тех, кто радуется любому взгляду и потому сама виновата, если о ней подумают плохо.

Внутри Екатерины Владимировны поднялось пламя. Малюкова наверняка рассчитывала на слёзы, но пробудила лишь злость.

— Андрей Васильевич пригласил меня на танец сразу после вас, Варвара Григорьевна, — произнесла Корсакова. — Видимо, ему настолько понравился танец с вами, что он поспешил ко мне, чтобы смыть из памяти вас как партнёршу.

Полина Аркадьевна Каверина тихо ахнула. Не искренне, а ровно так, чтобы это услышали окружающие, продолжавшие следить за происходящим. И, разумеется, старательно слушающие, что говорят, как и с какими лицами.

— Как смело, — проговорила Руднева. — Впрочем, новые графские семьи часто принимают смелость за отсутствие меры.

Инна Витальевна наконец поставила свой бокал на стол. Стекло звякнуло едва слышно, но почему-то именно этот звук заставил нескольких стоявших поблизости гостей обернуться.

— Елена Матвеевна, — произнесла Никитина, — если вы желаете обсудить графские семьи, выбирайте выражения точнее. Здесь их больше одной.

Варвара Григорьевна улыбнулась.

— Она говорила не о вас, ваше сиятельство, — попыталась ответить Малюкова.

— Тогда тем более выбирайте выражения точнее.

Ростова сместилась на полшага вперёд – так, чтобы встать рядом с Корсаковой, а не вполоборота к ней.

— Варвара Григорьевна, — мягко, с тщательно отмеренной ленцой в голосе проговорила Маргарита Ивановна, — вы так уверенно рассуждаете о девицах, которые борются за мужское внимание, что невольно хочется уступить вам слово как специалисту.

У Малюковой дрогнули ресницы.

— Маргарита Ивановна, как всегда, предпочитает грубость остроумию.

— Нет, — с вежливой улыбкой произнесла Ростова. — Просто я называю вещи своими именами. Для семей с деньгами, — она особенно выделила это слово голосом, — это такая же привычка, как для вас искать спонсоров на очередное платье прошлого сезона.

Малюкова сверкнула глазами от ярости, но возразить ничего не успела. Откуда ни возьмись вдруг появился Смирнов в компании ещё семи молодых людей. Диалог был окончен так быстро, что для тех, кто не знал, могло бы показаться, что его и вовсе не было.

— Я что-то пропустил? — остановившись рядом с Екатериной Владимировной, спросил Андрей Васильевич.

Ростова отвернулась, пряча улыбку и принимая приглашение от одного из компаньонов Смирнова. Инна Витальевна посмотрела на музыкантов и вложила ладонь в руку другого. Оболенский склонился перед Строгановой, и Александра Борисовна оценила его взглядом, как будто рассматривала через прицел, но всё же смиловилась.

Корсакова же смотрела на Андрея Васильевича. Красивого, живого, безопасного и совершенно ни в чём не виноватого.

— Ничего важного, Андрей Васильевич, — ответила она. — Просто вечер оказался интереснее, чем ожидалось.

— Это хорошо или плохо? — не сводя с неё взгляда, уточнил он.

— Это жизнь, — улыбнулась Екатерина Владимировна.

Смирнов на секунду замер, будто не ожидал такого ответа. А затем на его губах появилась живая и смелая улыбка.

— Тогда позвольте надеяться, что следующий танец тоже станет её частью.

Корсакова протянула ему руку.

— Позволяю.

Когда они снова вышли на паркет, особняк уже смотрел на неё иначе.

Екатерина Владимировна чувствовала это спиной. Взгляды правых, левых, умеренных, любопытных, завистливых, сочувствующих и тех, кто просто рад был увидеть чужое столкновение. Ещё недавно ей могло бы стать неловко.

Сейчас её это вообще не волновало. Потому что музыка зазвучала, Смирнов уверенно повёл её в первый шаг, и младшая Корсакова мгновенно почувствовала, что всё случившееся не испортило вечер.

Это сделало его настоящим.

Здесь были свет, музыка, паркет, подруги за спиной, противницы впереди.

И собственная рука в ладони мужчины, которому она доверила ещё один танец, а не свою судьбу.

Глава 4

Москва. Иван Владимирович Корсаков.

О том, что случилось на благотворительном молодёжном приёме, я узнал раньше, чем приехал домой со свидания с Дашей. На телефоне загорелось имя Смирнова, и я взял трубку.

— Добрый вечер, Андрей Васильевич, — первым поздоровался я.

Понятно, что звонил бывший одноклассник не просто так.

Нельзя было сказать, что мы поддерживали тесное общение, чтобы он просто мне позволил без причины почти в половину одиннадцатого вечера. Да и я помнил, что видел его имя в списке приглашённых на благотворительный молодёжный приём, куда матушка должна была отвезти Катю.

Так что сложить два и два было нетрудно. А потому я внутренне приготовился к новому витку вероятных проблем. Это меня могли побояться тронуть, особенно после покушения прямо после встречи с её императорским высочеством. Но Катя-то другое дело...

— Вечер добрый, Иван Владимирович, — ответил он и тут же добавил, оправдывая моё настроение: — Сегодня на приёме кое-что случилось, я решил, что тебе следует знать.

Манера порой соскакивать с общепринятой формы общения Андрея Васильевича на более близкую меня совершенно не удивляла. Уже то, что он меня не просто по имени назвал, можно сказать, символ, что звонок действительно важен.

— Я слушаю, — сохраняя спокойствие, отозвался я.

И вместо того, чтобы начать с существенного, Смирнов, как и всегда, решил устроить небольшую разминку.

— На приёме я танцевал с твоей сестрой...

— Любишь ты опасность, Андрей, — посмеялся я.

Понятно, что он поступил так специально, чтобы разрядить обстановку после объявления темы. Смирнов прекрасно меня знал, как для постороннего человека, а потому мог без проблем предугадать, что тема сестры будет в любом случае напряжённой. Отсюда и его грубые, местами совершенно неуместные шутки.

— Не будь она твоей сестрой, ты бы сам с ней на каждом мероприятии танцевал столько раз, сколько получится, — ничуть не испугавшись, выдал Смирнов. — Но проблема в том, что перед этим я танцевал с Малюковой. А ты знаешь Варвару Григорьевну, какой она человек. Не пригласить я её не мог – у наших семей сейчас современный проект по указу Кремля. Так что я отплясал положенное приличиями и пошёл к Екатерине.

— Владимировне, Андрей, — даже не подумав скрывать недовольства старшего брата, которому рассказывают о достоинствах его младшей сестры, поправил я. — Екатерине Владимировне.

— Да-да, я так и сказал, — тут же подхватил мой бывший одноклассник. — В общем, после танца с графиней Корсаковой я отошёл пообщаться с другими гостями, а Малюкова со своей группировкой решила словесно напасть на твою сестру. Екатерина Владимировна была не одна, с ней Ростова, графиня Никитина и Строганова отражали атаку. И должен признать, когда мне доложили, как держалась Екатерина Владимировна, я понял, что был прав, когда говорил, что рыжие девицы самые...

— Андрей, — с лёгким рыком в голосе прервал его я.

Он не смутился ни на грамм. Но это уже было совершенно привычно.

Нельзя сказать, что, пока мы учились, он не давал Кате прохода, но каждый раз, когда она оказывалась рядом, он неизменно был учтив, красноречив и вёл себя, как кот вокруг закрытой крынки сметаны. Собственно, только это его спасало от моего гнева – Кате нравилось, что мой одноклассник её замечает, как девушку, и при этом не переходит границ дозволенного.

А теперь он с ней пляшет на приёмах, Дон Жуан московского разлива.

— В общем, понятно, что я был только поводом, и там всё пошло уже почти всерьёз, — продолжил Смирнов. — Крови, конечно, не было. Но ты не хуже меня знаешь, Иван, как девушки любят свои драки в грязи, чтобы от соперницы не осталось ни мокрого места, ни репутации. Мне пришлось срочно собирать молодых людей и растаскивать всю восьмёрку на танцы. Но всё же имей в виду, пожалуйста, что это не Екатерину Владимировну хотели прилюдно унизить, а младшую Корсакову, которая приближена через тебя к наследнице престола и при этом открыто входит в правый круг.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы собраться с мыслями. Всё-таки свидание с Дашей в пустом кинотеатре, где пара молодых и желающих друг друга людей уделяли больше внимания поцелуям, чем кино, накладывало свой отпечаток, да и Смирнов умел расшатать мне нервы как раз потому, что знал меня достаточно долго.

— Спасибо, Андрей Васильевич, я не забуду, что ты помог, — совершенно серьёзно проговорил я. — Дальше всё прилично было?

— Я пригласил на второй танец её сиятельство, и всё было отлично, — заверил меня бывший одноклассник. — Дальше я уж наглеть не стал, хотя очень хотелось. Но без разговора с родителями после третьего танца не обошлось бы. Но я тебе честно скажу, Иван, если бы я знал, что у меня есть шанс...

— У тебя его нет, — мгновенно отозвался я.

— Что ж, стоило попытаться, — посмеялся в ответ Андрей Васильевич. — Хорошо, о главном я тебе сказал. Приятного вечера, Иван Владимирович.

Он первым положил трубку, и я откинулся на спинку сидения.

Матушка не стала мне об этом рассказывать в срочном порядке, а значит, всё оставалось в рамках. И переживать больше, чем нормально для старшего брата, не стоило. И, если честно, меня не столько волновала история с Малюковой, сколько тот факт, что Смирнов сказал о шансах.

* * *

Они уже были дома, когда я приехал. Заходить к матушке я сразу не стал, если бы она хотела со мной поговорить прежде, чем мы с сестрой встретимся, слуги бы передали. А так я поднялся на жилой этаж и остановился у дверей Катиных покоев.

Ударив пару раз костяшками пальцев по косяку, я дождался ответа:

— Заходи!

Толкнув створку, я прошёл внутрь и сразу же нашёл сестру взглядом. Взгляд моментально вычленил важные моменты: как закрыто окно, как висит вечернее платье, брошенное на небольшой диван. Даже валяющиеся в художественном беспорядке каблуки.

Катя сидела в кресле свободно, раскинув руки на подлокотники, уже в домашних бриджах и розовой майке. На её лице ещё оставалась аккуратная косметика, но всё равно становилось ясно с первого взгляда, что из вечернего образа Екатерина Владимировна уже вышла. И сейчас передо мной тот же рыжий огонёк, который совсем недавно мог прибегать ко мне ночью, чтобы не спать в одиночестве после очередного кошмара.

— Дай угадаю, тебе Смирнов звонил? — сразу же спросила Катя.

Я усмехнулся и сел в кресло напротив.

— Звонил, — подтвердил я. — Но если честно, я думал начать этот разговор намного мягче.

— Поздно, — отмахнулась сестра. — Я уже не маленькая, чтобы меня надо было готовить к фамилии Андрея Васильевича отдельным вступлением. Ты всё никак не простишь ему, что рыжие женщины в постели самый огонь, да? Ну, знаешь, Ваня, не все же такие сухари, как ты. Твой одноклассник просто пошутил, а ты с тех пор его не любишь. Что в тебе только Дарья Михайловна нашла?

Я улыбнулся и не стал отказываться от удовольствия рассказать сестре новую информацию.

— Я арендовал для нас двоих кинотеатр, договорился с Долгоруковыми, чтобы это осталось тайной от наследницы престола, и при этом гвардейцы всё проверили на несколько раз, — пояснил я. — Так что могу тебя заверить, дорогая сестрица, Дарья Михайловна прекрасно знает, насколько романтичным я могу быть.

Катя посмотрела в сторону окна, с расслабленной улыбкой переживая воспоминания о приёме. Не нужно было быть менталистом, чтобы прочесть это в её голове. Первый выход в свет после долгого перерыва, и сразу и кавалер подходящий, известный и безопасный, и конфликт с новыми знакомыми. Замечательная, в чём-то даже романтическая история, если бы не одно но.

Это была моя сестра.

— Андрей Васильевич рассказал тебе о том, что на приёме был маленький конфликт двух политических групп? — спросила Катя. — Четыре на четыре, практически по старой русской традиции стенка на стенку.

— Он использовал более выразительные слова, — усмехнулся я. — И очень хвалил тебя за стойкость и характер. Я в целом не одобряю его подхода, но в одном он был совершенно прав – тобой можно гордиться.

Сестра усмехнулась и покачала ногой в воздухе. Её взгляд практически незаметно изменился, становясь собраннее и злее.

— Он сказал, что остановил вас, — продолжил я. — Пока разговор ещё не перестал быть светским, и вы не вцепились друг другу в волосы из-за политики. Хотя я и уверен, что следующие несколько ночей Андрей Васильевич только об этом и будет думать перед сном.

Катя коротко посмеялась.

— Значит, Смирнов понял, что он был только поводом?

— Понял, — подтвердил я. — Дурак бы не понял, а он, увы, не дурак.

— Хорошо, — вздохнула младшая Корсакова. — Я и сама надеялась, что он догадается. Но всё-таки Андрей Васильевич иногда так убедительно изображает человека, которому в мире интересны только танцы, шутки и собственное отражение в женских глазах, что хочется проверить.

— Собственное отражение в женских глазах? — переспросил я.

Катя склонила голову набок, внимательно разглядывая меня.

— Не делай такое лицо, Ваня, — цокнув языком, проговорила она. — Ты учился с ним и прекрасно знаешь, что Андрей Васильевич неприлично красив, знает об этом и активно пользуется.

— К сожалению, знаю, — со вздохом подтвердил я.

— И что девицам он нравится, — с какой-то садистской улыбочкой продолжила сестра.

— Увы, и это мне известно, — пришлось кивнуть мне. — Хотя я бы предпочёл прожить без этой информации.

Катя рассмеялась, не удержавшись.

— В твоём «к сожалению» слишком много старшего брата, Вань, — заметила она. — Как после этого вести с тобой серьёзные разговоры?

Я пожал плечами, прежде чем ответить.

— Ну давай вернёмся к серьёзным темам. Мы все знаем Малюкову, — произнёс я. — Так что меня удивляет не то, что у тебя с подругами вышел конфликт. Меня удивляет, почему её до сих пор не убили. Варвара Григорьевна всегда была крайне неприятной особой. Она тебя обидела?

Катя мотнула головой.

— У неё бы не получилось, — заявила сестра. — Для девицы из высшего общества она слишком легко читается. В чём мы, кстати, её и убедили всего парой метко брошенных фраз. Подружки у неё тоже оказались не слишком умными, раз полезли к нам без подготовки.

Я улыбнулся, наблюдая за ней, слушая, как она рассуждает.

Выросла девочка, чёрт возьми.

— Я поблагодарил его, — заметил я.

Катя чуть склонила голову, на её лице появилась лёгкая улыбка. И вот это заставило меня напрячься всерьёз. Ещё не хватало, чтобы Андрей Васильевич действительно стал любовным интересом моей сестры. Он же через постель половины столицы протащился, там клейма ставить негде!

— Правильно, — выдала сестра. — Он поступил умно и аккуратно. Если бы вмешалась распорядительница вечера или кто-нибудь из старших дам, это стало бы происшествием. Если бы подошли мужчины и начали выяснять, кто кого обидел, стало бы ещё хуже. А танцы... — повела плечом младшая Корсакова. — Танцы всё делают приличным. Даже отступление.

— Ты говоришь так, будто сама собиралась сделать то же самое, — усмехнулся я.

— Я собиралась закончить разговор словами, после которых Малюкова вынуждена была бы уйти первой, — пожав плечами, с самым невинным видом сообщила она.

— И получилось бы?

Катя посмотрела на меня с лёгким оскорблением.

— Ваня, — с осуждением в голосе произнесла она.

— Глупый вопрос, — кивнул я. — Ладно, раз ты всё прекрасно понимаешь, тогда должна понимать и другое.

— На самом деле она пришла проверить, можно ли меня поставить ниже, — легко кивнула сестра. — Новая графиня Корсакова, пережившая похищение. Сестра Ивана Владимировича, который слишком быстро стал замечен. Дочь Анастасии Александровны, которую после титула уже нельзя удобно не замечать. Девица, стоящая рядом с Ростовой, Никитиной и Строгановой. Ещё и связанная с кругом Дарьи Михайловны. Для Малюковой это был вообще не танец, а раздражение на ножках.

— И ты решила ударить первой, — усмехнулся я.

— Нет, — отрезала Катя. — Я решила не позволить ей выбрать, в чём меня обвиняют, а это разные вещи. Малюкова хотела, чтобы я начала оправдываться. Никогда Малюкава не будет решать за меня ничего. Кто она такая?

Я прекрасно знал этот тон. Именно им Анастасия Александровна Корсакова говорила со своими подчинёнными перед тем, чтобы ломать их об колено.

— Вижу матушкину школу, — заметил я. — У вас одинаковый голос, когда вы общаетесь вот так, как ты сейчас.

— Я была в хорошем настроении.

— После двух танцев со Смирновым? — уточнил я.

Я прекрасно понимал, что Малюкова и весь этот политический гадюшник важны. На самом деле важны для нас. Но под всем этим сидело другое — совершенно братское, нелепое, живое. Я просто не мог не представлять Смирнова, обнимающего мою сестру.

И, естественно, Катя всё прекрасно поняла.

— Ты боишься, что я влюблюсь в Андрея Васильевича, — констатировала она.

— Не боюсь, — выставив ладони, ответил я. — Опасаюсь.

Катя откинулась на спинку кресла и впервые за вечер рассмеялась уже совсем свободно. Не светски, не красиво, не так, как смеются в зале под музыку, чтобы не нарушить образ. А по-настоящему, до тёплого щекотания в груди.

— Господи, Ваня! — воскликнула она. — Ты бы видел лицо Смирнова, когда я сказала ему про лёгкие орудия. Он едва не расхохотался посреди танца. Как можно не получить удовольствие от такого вечера?

Я улыбнулся в ответ и, дотянувшись до её запястья, сжал её руку.

— Я рад, что ты получила удовольствие, Катя. Правда, очень рад. Но Андрей... Не тот человек, с которым следует связывать свою судьбу только потому, что его знает твой брат. И меня беспокоит, что он тебе понравился.

Катя не стала отрицать сразу. Она могла бы пошутить, отмахнуться, сказать, что я всё придумал.

— Да, — признала сестра. — Понравился.

Я закрыл глаза на секунду, переживая бурю внутри. Хотя хотелось сорваться с места и оторвать Смирнову несколько лишних частей тела.

— Катя...

— Не таким голосом, — поспешила возразить младшая Корсакова. — Я не сообщила тебе, что завтра сбегая с ним венчаться в придворной часовне. Это были просто танцы и необременительное общение. Да, он спас ситуацию, вмешавшись со своими друзьями, но это не значит, что это достаточно. К тому же он красивый.

— Это не достоинство, — ответил я.

— Это ты говоришь потому, что сам красивый и привык не считать это достижением, — обвинительно указав на меня пальцем, заявила Катя. — Ладно, шутки в сторону. Я совершенно серьёзно говорю: Андрей Васильевич мне нравится. Но я не дура, Ваня. Я отличаю удовольствие от решения. Танец от обещания. Безопасность от любви. И восхищение от судьбы.

Я промолчал, позволяя ей говорить дальше.

— Мне понравилось, как он смотрел на меня, — продолжила она. — Понравилось, что он хотел со мной танцевать. Понравилось, что Малюкова едва не треснула от злости. Понравилось, что я ответила ей и не стала прятаться за спины Риты, Инны и Александры. Понравилось, что потом Смирнов вернулся, и я снова пошла танцевать, а не стояла у стола, переживая, кто что подумал. Мне всё это понравилось. И я не собираюсь делать вид, что нет.

Глава 5

Московский особняк графов Строгановых.

Михаил Всеволодович вошёл в покои Александры Борисовны как раз, когда она уже переделалась в домашнее платье. Естественно, не наугад – ему слуги доложили, что уже можно. Выросла племянница из того нежного возраста, когда было прилично входить к ней просто так.

Сейчас красивая девица девятнадцати лет стояла перед зеркалом и яростно чесала волосы щёткой, как будто пыталась выдрать их с корнями и облысеть раньше срока.

Подобное состояние своей младшей родственницы граф Строганов прекрасно выучил. Александра Борисовна поступала так только тогда, когда была настолько раздражена, что могла вспылить слишком сильно. Настолько, что потом всему роду придётся расчехлять пулемёты, чтобы объяснить, как были не правы те, кто обидел юную девицу.

— Я так понимаю, приём прошёл не слишком хорошо? — не став откладывать в долгий ящик, уточнил наследник главы рода. — Чего ты так свои волосы не бережёшь? Что мне потом твоему отцу говорить? «Извини, Боря, не уследил, как Сашка лысеет у меня в доме»?

Племянница фыркнула, но щётку всё же отложила. Несколько выдранных и блестящих в свете лампы русских волосков остались среди щетины. Облокотившись на спинку стула, за которым полагалось как раз сидеть, чтобы служанки помогли привести волосы в порядок, Строганова вздохнула.

— Всё было почти идеально, дядя, — произнесла она. — Мы встретились с остальными, поговорили, и тут явилась Малюкова. Не одна, с подружками своими.

Михаил Всеволодович кивнул, присаживаясь в кресло и складывая руки на подлокотники.

— Так, Бестужева, Руднева, Каверина? — уточнил он.

— Они самые, — подтвердила Александра Борисовна. — Малюкова решила посмотреть, нельзя ли продать Корсакову.

При упоминании фамилии будущего императора граф Строганов заметно напрягся. Не та сейчас ситуация, чтобы позволять идиотам либеральной фракции раскачивать лодку. Со дня на день Железная Екатерина сложит с себя полномочия. Подобные вещи нужно проводить в максимально благоприятной обстановке.

Очень жаль, что мозгов у некоторых не хватает, чтобы это осознавать. Или же им кто-то приплачивает опять, чтобы раскачать лодку под шумок? Мало Российской империи было Безумного Ивана и резни Железной Екатерины?

— Ты, надеюсь, заступилась за юную графиню? — уточнил Михаил Всеволодович.

Александра Борисовна жёстко усмехнулась.

— Мы все подключились, дядя. Но ты знаешь, — Строганова взяла короткую паузу, заново переживая момент, о котором говорила, — мне кажется, даже если бы нас там не было вообще, Екатерина Владимировна справилась бы сама. Девица настоящий огонь, нечета тем дурам, которых вокруг себя Малюкова собрала.

Граф вздохнул чуть свободнее.

— Ладно, поговорю-ка я с некоторыми людьми. Напомнят Малюковым о приличиях и том, как важно правильно воспитывать своих избалованных девок. А ты молодец, Саша, я тобой горжусь. Правильно Ростова решила вас с Корсаковой свести. Я бы и сам попытался, но ты и без того знаешь, что я деньги Ивану Владимировичу предложил. Он, кстати, за ними так и не обратился.

Александра Борисовна вскинула бровь.

— Гордый?

— Нет, — отмахнулся Михаил Всеволодович. — Он просто не дурак, чтобы хватать всё, что ему предлагают. Когда граф Корсаков возьмёт в руки какой-то реальный проект, которому требуется поддержка, он сразу же вспомнит о нашем предложении. А просто так в долги влезать... Он всё же не настолько сын своего отца.

Александра Борисовна кивнула, не став комментировать. Всё-таки воспитание в роду Строгановых было совсем не таким, как у столичных девиц, с которых сдували пылинки и уверяли, что солнце светит миру из-под их юбок.

Александра Борисовна была умна, образована и умела не только выводить две одинаковые стрелки перед зеркалом, но и пользоваться головой, просчитывая события и людей. А потому слова дяди восприняла серьёзно.

Мало кто не знал историю Анастасии Александровны Корсаковой, которая, отказавшись от борьбы за место императрицы, сделала какой-то сумасшедший выбор. Её супруг, не способный отказаться от игры, спускал деньги с такой скоростью, с какой не каждый аристократ себе может позволить. И долгов в наследство оставил детям и вдове столько, что не всякий бы выдержал.

А Корсакова вытянула. То, что не смогла сама, теперь делал её сын, сближаясь с Дарьей Михайловной Долгоруковой. А его сестра, которая внешне пошла в отца, оказалась настоящей акулой. Стоило Екатерине Владимировне почуять кровь, она бросилась в атаку на Малюкову. Не ища поддержки старших подруг, не боясь говорить так, как и полагается графине с дворянками.

И Александра Борисовна именно сейчас поняла то, что почувствовала на приёме, но не смогла сформулировать.

— Они дети Анастасии Александровны, а не Владимира Елисеевича, — произнесла племянница, глядя на дядю. — Это она научила их выгрызть себе место в жизни. Иван Владимирович возвысил род, сделал Долгоруковых настолько обязанными себе, что теперь у них нет иного выбора, кроме как поженить его с наследницей престола. А Екатерина Владимировна, пережив похищение, стряхнула с себя последнюю невинность. Ей шестнадцать, дядя. И я с удовольствием посмотрю, какой она станет, когда достигнет совершеннолетия. По сравнению с ней что Никитина, что Ростова выглядят бледновато. А вот мы... Этот рыжий огонёк станет прекрасной подругой.

Михаил Всеволодович спокойно кивнул в ответ.

— Значит, не потеряй её, Саша. Анастасию Александровну бросили все, включая других Корсаковых. Не позволяй истории повториться.

Александра Борисовна совершенно серьёзно склонила голову перед наследником главы рода.

— Не позволю.

* * *

Особняк графского рода Корсаковых. Иван Владимирович Корсаков.

Утро началось совершенно обыденно. Я открыл глаза за несколько минут до будильника, стянул с себя одеяло, которое, к счастью, никто не зачаровывал, и направился в ванную. Это уже было маленькой победой, хотя, разумеется, дело было в том, что сегодня матушка не отправляла Катю меня будить. Иначе универсальная магия опять показывала бы своё превосходство в издевательствах над наивным и добрым братом.

Пока смывал остатки сна, думал не о вчерашнем свидании и не о приёме в особняке Сыромятниковых. Хотя, конечно, пальцы сами собой сжимались, стоило вспомнить, как мы пропустили весь фильм с Дашей, занятые исключительно друг другом. Такие моменты помнишь всегда ярче и дольше, чем любые другие проблемы и бытовые тревоги.

Мысли крутились вокруг Лопухиных и той папки, которую мы с матушкой оба прочли. Анастасия Александровна была главой рода, и решение принимала сама. Хотелось как-то её

защитить, но я целитель, а не путешественник во времени, чтобы исправить прошлое. Иначе показал бы всем, насколько глубоко они ошибаются.

Но сейчас оставалось лишь ждать, когда матушка решит пригласить Василия Алексеевича, и быть рядом, чтобы помочь пережить это тяжёлое событие. Только в сказках кажется – брызни мёртвой и живой водой, и всё можно исправить как будто. В реальности, увы, травмирующий опыт никуда не денется. Нельзя просто взять и вычеркнуть двадцать лет жизни.

Закончив с бритьём, я смыл остатки пены и вышел в собственную гостиную. Накинув форму, спустился в столовую и сразу же увидел главу рода за столом. Сейчас она была не матерью двух детей, не вдовой, а женщиной, которая управляет корпусом целителей Российской империи.

Мне даже не требовалось заглядывать в её телефон, чтобы понять: прямо сейчас она за завтраком читает отчёты и доклады подчинённых. И судя по её лицу, ничего хорошего там написано не было.

— Доброе утро, матушка, — первым поприветствовал её я.

— Утро доброе, Ваня, — отозвалась она и отложила телефон, чтобы взглянуть на меня. — Как спалось?

— Прекрасно, — чувствуя некий подвох в вопросе, ответил я, прежде чем сесть на своё место. — Обычно ты не спрашиваешь. Что-то ещё случилось, о чём я не знаю?

Она пожала плечами.

— Не каждое утро мне звонит великий князь, чтобы рассказать о том, как наследница престола бегает по Кремлю, взбодрённая настолько, что её уже даже гвардейцы пугаются, — с улыбкой ответила матушка. — Но шутки в сторону, вы оба взрослые люди, и идея для свидания отличная была. И что ты сумел всё оформить, сохранив для будущей императрицы сюрприз, — достойно уважения.

Такой поток комплиментов явно вёл не к тому, что она закончит словом «Молодец». Впрочем, это нисколько не помешало мне придвинуть овсяную кашу с клубничным вареньем и кусочками дроблёных орехов.

— Почему мне кажется, что сейчас я услышу что-то менее приятное? — напрямую спросил я.

На лице матушки появилась лёгкая улыбка.

— Потому что ты у меня умный, — ответила она и отломилась хлеб. — Свидание было замечательным, но в ближайшее время оно вряд ли повторится.

— Великий князь изменил планы наследницы престола? — предположил разумное объяснение я.

— Большой съезд клана Долгоруковых. Тебя уже сегодня выведут на первые полосы, — пояснила матушка. — Как всегда, когда решаются важные государственные вопросы, новостям нужен красивый и простой для народа повод, которым можно переключить внимание населения. Ваше свидание в кинотеатре подходит идеально. Прежде у тебя был образ верного трону героя, теперь из тебя будут делать молодого человека, влюблённого в прекрасную девушку. настолько, что он без счёта спускает деньги, лишь бы оказаться на пару часов ближе к своему предмету интереса.

Я усмехнулся.

— Аренда была недорогой.

— Для графов Корсаковых? Возможно, — намазывая масло на хлеб, хмыкнула она. — Для большинства дворянских родов – это уже шик. А для простонародья и вовсе не достижимый ход. Ухаживать за своей девушкой так красиво, широко и наглядно, могут себе позволить очень немногие, Ваня. Но это и хорошо, Долгоруковы будут давить на то, что ты даришь Дарье Михайловне то, чего никто не догадался подарить прежде.

— Нормальные личные отношения? — хмыкнул я.

— Я же говорю, ты у меня умный, — улыбнулась матушка. — Дарья Михайловна сейчас будет занята на клановом сборе. Её императорское величество попытается, как и всегда, упрочить свои позиции. А Катю, думаешь, просто так именно вчера решили проверить на прочность?

Я кивнул, понимая, к чему клонит глава рода Корсаковых.

— Пока Долгоруковы заняты внутренними делами, многие решат, что это шанс проверить свои делишки, — озвучил я.

— И у многих получится, — подтвердила матушка. — Не первый раз подобное происходит. Власть редко может оказаться в двух местах сразу. А сбор клана Долгоруковых проходит чуть ли не раз в десятилетие. Конечно, предпринимаются попытки держать руку на пульсе, но в большинстве случаев что-то кому-то везёт проташить. Ты же понимаешь, если в забеге участвуют сотни человек одновременно, кто-то да проскочит ненаказанным и даже незамеченным.

Склонив голову, я сунул ложку в уже чуть остывшую кашу. Горячую еду я не особенно любил, ещё с прошлой жизни предпочитал в спокойной домашней обстановке комфортную температуру, а не кипяток в глотку запихивать. Это женщины моются при такой температуре, что у мужчин слезит кожа. Мы как-то проще устроены.

— Что ж, я это переживу, — подвёл итог я.

— Мы переживём, — кивнула матушка. — Но вчерашнее событие показывает, что нас уже готовы пробовать на зуб, Ваня. Так что просто будь осторожен. Целителей нельзя вызывать на дуэль, к тому же ты прославился как человек, который может пережить то, что другого бы убило с гарантией. Но прямое насилие – оружие, к которому прибегают слабые. Сильные действуют иначе.

— Ты думаешь, меня будут пытаться подставить?

— Не исключаю, — подтвердила меня она, после чего совершенно буднично добавила: — На сегодняшний вечер я пригласила Василия Алексеевича, на половину девятого. А потому у тебя с Метёлкиным будет не такой напряжённый день, как обычно.

Я не стал мусолить тему. И так всё понятно.

— Буду дома вовремя. И подстрахую.

* * *

Как глава корпуса целителей и обещала, день с Всеволодом Серафимовичем у нас был короче. Не сказать, что намного легче, так как мне пришлось дважды исчерпать силы до дна, но в восемь вечера я уже подъезжал к нашему особняку.

Машины Лопухиных пока что не было, но впереди было ещё полчаса, прежде чем наступит назначенный срок. В то, что Василий Алексеевич не явится, я не верил. Слишком высокие риски для этого семейства нанести удар по Корсаковым снова. Теперь у нас на руках были доказательства не только от Дарьи Михайловны, добытые из архивов Долгоруковых, но и записи Савелия Сергеевича, прямо указывающие на вину Лопухиных.

Удивительно на самом деле, как никто не догадался, что они менталисты. Понятно, что все, кому положено, знают. Но сохранить такую тайну в секрете – достойно уважения. Они либо недавно получили такие способности, либо прятали правду от всех дольше, чем я на свете живу.

Это не значило, что я всё простил, или что матушка простила. Но сейчас было важнее снять установленное воздействие, чем перебить всех Лопухиных до единого. И только потом, когда матушка достаточно придёт в себя, можно будет обсуждать, какую именно плату с них потребовать.

Потому что исправления того, что было сделано ими самими, недостаточно. Не когда речь идёт о двадцати годах воздействия, в течение которых жизнь матушки ломалась по чужой воле.

Анастасия Александровна тоже была дома и сама встретила меня. Глаза главы Корсаковых выдавали напряжение, которое она не показывала снаружи. Физически она была совершенно здорова, резерв оставался полным. Так что я сделал единственное, что мог для успокоения матушки.

Обнял её.

— Я буду рядом, мам, — напомнил я. — Как бы ни обернулось, мы с Катей никуда не денемся и в обиду тебя не дадим. Если Лопухины попробуют снова тебе навредить, они кончатся. Это я тебе обещаю.

Матушка промолчала, прижимая меня к себе.

Мы простояли так около минуты, прежде чем она отстранилась и вновь надела на себя маску Анастасии Александровны, главы корпуса целителей и рода Корсаковых. Любящая мать никуда не пропала, она никогда не исчезала до конца. Но сейчас броня, которую большинство людей и воспринимало, как настоящую Анастасию Александровну, скрыла личные переживания от посторонних.

Вряд ли, конечно, это защитит от чтения мыслей со стороны Василия Алексеевича. Я пока всё ещё слишком мало знал о местной магии, чтобы всерьёз рассуждать о том, как одной только моей воли и желания не подчиниться может хватить, чтобы противостоять менталисту. Никакой магии дружбы здесь не было, чтобы плевать на чужие силы. Но и всерьёз драться с Лопухиными пока что не было смысла.

Мы устроились в гостиной и молча пили чай, дожидаясь нужного времени. Матушка прекрасно держала себя в руках, сказывались годы практики. Сперва делать вид, будто стать матерью-одиночкой с огромными долгами не страшно. Затем строить карьеру в возрасте, когда все остальные уже давно отслужили положенный срок и уже либо имеют достаточно высокую должность, либо строят счастливую семью. А потом бой за каждый день, чтобы обустроить меня и Катю в лучших из возможных для нас условий.

Наконец, охрана доложила о прибытии автомобиля Лопухиных. Матушка не дёрнулась, не стала нервничать. Она спокойно допила чашку чая, поставила её на блюдце и поднялась, чтобы поприветствовать гостя. Лопухин он или нет, она была главой рода, к которому прибыл представитель другой благородной семьи.

Двери в гостиную раскрылись, впуская Василия Алексеевича. Он сильно изменился с нашей последней встречи. Вместо мальчика, который вот-вот потеряет отца, сейчас порог комнаты переступал молодой мужчина, повидавший кое-что и осознавший, как устроен мир на самом деле.

Тот волшебный ореол будущего государя, которому хотелось доверять, едва не обманувший меня в нашу первую встречу, исчез без следа. И это само по себе вызывало вопрос, было ли впечатление навязанным или Василий Алексеевич просто повзрослел.

— Ваши сиятельства, — поклонившись, как полагается этикетом, проговорил наследник рода Лопухиных. — Добрый вечер.

Матушка чуть кивнула в ответ.

— Приступайте, Василий Алексеевич. Я готова.

Глава 6

Процесс начали не в гостиной, разумеется. Хотя формально и она подходила, но гостевая комната была уже приготовлена людьми рода по приказу матушки.

— Итак, — заговорил Василий Алексеевич, когда мы остались втроём, — ваши сиятельства, я буду вскрывать очень старые установки. Вам, Анастасия Александровна, придётся пережить много неприятных моментов.

— Я уже пережила как-то двадцать лет с этим, один вечер потерплю, — кивнула глава рода Корсаковых.

Однако менталист не стал давать ей возможности оставить последнее слово за собой.

— Для вас будет казаться, что все решения, которые стали результатом работы ментальной магии, ожили заново, — продолжил пояснения Василий Алексеевич. — Не воспоминание, неприятное, но всё-таки пережитое, отболевшее и далёкое. Вы будете возвращаться именно в тот момент, когда установки Савелия Сергеевича Лопухина срабатывали. Это будет больно, жёстко. И, вероятно, вы захотите прервать процесс, но этого делать нельзя, пока мы не доберёмся до самой первой закладки.

Матушка кивнула, а я всё же задал вопрос, который был, на мой взгляд, логичен.

— Почему не отменить сразу сами закладки?

Василий Алексеевич вздохнул.

— Потому что каждая сработавшая закладка самовоспроизводится. Изначальная связка обладает изначально заложенной ещё самим менталистом устойчивостью. Но когда она срабатывает, появляется... — он взял короткую паузу, чтобы объяснить для постороннего, как действует его магия.

В этот момент я прекрасно его понимал. С целителями ровно та же история, понять коллегам друг друга можно легко, а вот рассказать не целителю, да ещё так, чтобы тот действительно осознал – практически невозможно. А учитывая закрытость менталистов, опыта у Василия Алексеевича в таких объяснениях и вовсе кот наплакал.

— ...маленький узелок, который остаётся действующим, подпитанным от изначальной связки. И потенциально способный сам стать связкой со временем, если убрать стартовые блоки, — продолжил пояснения бывший будущий император. — Вам лучше прилечь, ваше сиятельство.

Анастасия Александровна спокойно кивнула и стала забираться на кровать. Естественно, ничего с себя снимать она не собиралась, просто леглась поверх покрывала. В этот момент постель показалась мне слишком мягкой для того, что сейчас будет происходить в комнате.

— Я буду следить за состоянием главы рода, — напомнил я.

Лопухин кивнул, как будто другого и не ожидал.

— Вы же понимаете, Иван Владимирович, что не увидите ничего, кроме результата? — спросил он.

— Это не мешает мне отрезать вам дар и превратить в калеку, если что-то пойдёт не так, — совершенно спокойно ответил я. — Но я надеюсь на благоразумие вашего отца, Василий Алексеевич. Потому что, если сейчас что-то пойдёт не так, род Лопухиных получит не виру. Мёртвые вообще ничего не получают.

Он несколько секунд осознавал мои слова, на губах наследника рода менталистов появилась горькая усмешка.

— Совсем не такими я видел наши отношения, Иван Владимирович, когда мы только познакомились лично.

— Я готова, — уже с кровати произнесла матушка. — Поплакать о несбывшихся ожиданиях сможете позже, Василий Алексеевич.

Он кивнул и встал у её головы. Руки Лопухина замерли у висков Анастасии Александровны, и он решил внести ещё одно уточнение:

— У меня пока не так много опыта работы, как у вашего сына, ваше сиятельство, — проговорил Василий Алексеевич. — Поэтому я буду физически рядом. И, возможно, мне придётся вас касаться, когда мы зайдём глубже.

Ответ был холоден и скуп.

— Приступайте.

Василий Алексеевич бросил на меня последний взгляд, в котором было много всего намечено. И сожаление о том, что всё так вышло, и извинения за то, что его семья сделала с моей. Но ни капли злорадства, ни готовности совершить глупость.

Он, конечно, менталист, но мой взор видел его, как под сканером, и эмоции, готовность сделать всё правильно, волнение перед серьёзной задачей – всё это я читал, как открытую книгу. Ровно так же, как и состояние матушки, собранной, боящейся, но не подающей вида. Она жила с этим двадцать лет. И была готова прожить всё заново, чтобы избавиться, наконец, от оков чужой воли.

— Я начинаю, — объявил Василий Алексеевич, и я увидел холодные голубые щупальца, которые коснулись мозга матушки.

Не магия в чистом виде, я не понимал, что Лопухин конкретно делает, но я чувствовал чужую силу так же, как те заклинания, которые мы с Всеволодом Серафимовичем находили у пациентов. Целителю невозможно было определить воздействие менталиста, но в процессе непосредственной работы всё оказалось доступно.

Матушка на кровати тяжело вздохнула, из-под опущенных век хлынули слёзы. Её сознание верило, что она вернулась в прошлое, и заставляло тело реагировать так, будто всё происходило прямо сейчас.

* * *

Обрывки прошлого.

— Анастасия Александровна, с вашей силой, с вашим опытом вы бы стали куда лучшим главой корпуса целителей. Почему вы продолжаете прозябать в моём госпитале? Это ваш шанс, вы же возглавите всю отрасль, сможете навести порядок в Российской империи! Подумайте, Анастасия Александровна, это же как специально для вас созданное место.

Боль. Страх. Не смей просить. Не смей рваться вверх.

Приглашение, подписанное лично великим князем Виктором Павловичем Долгоруковым, выпадало из пальцев на столешницу заведующего госпиталем.

— Нет, я на своём месте.

* * *

— Мам, смотри, я получил итоги за год, и это пришло вместе с поздравительной грамотой.

Иван в свои одиннадцать лет протягивал ей два документа – табель за год и гербовую бумагу. Перед глазами расплывался мир от осознания, что в руках её сына – личное послание великого князя с предложением прибыть на бал лучших гимназистов в Кремле.

Боль. Страх. Не приближайся к Долгоруковым.

— Прости, сынок, но без сопровождения взрослого туда не возьмут. А я буду занята в корпусе.

— Конечно, матушка, — привычно кивнул Иван.

Привычно. Он уже знал, что так будет, когда подал бумагу матери. Знал, что нельзя от неё это скрывать. И знал, что она откажет.

Боль, уже её собственная, не созданная Лопухиными, нахлынула такой волной, что Анастасия Александровна завывала на кровати, сжимая простыни с силой, от которой ткань порвалась в клочья.

* * *

Ещё достаточно молодой великий князь Виктор Павлович пришёл в её кабинет в госпитале. В его глазах тревога, в руках – дело из жандармерии.

— Настя, мне нужно, чтобы ты лично вытянула человека, — сказал он. — Он участвовал в слишком важном деле, мне нужно, чтобы он выжил. Или если не сможешь спасти, дай ему время рассказать...

— Я всё сделаю, ваше императорское высочество, — холодно отозвалась Анастасия Александровна.

Он кивнул с благодарностью, после чего спросил:

— Как ты?

Боль. Страх. Не приближайся к Долгоруковым.

— В полном, ваше императорское высочество, — не покраснев, соврала она.

Для целителя вообще несложно врать, глядя в глаза собеседника.

* * *

«Примите мои поздравления, Анастасия Александровна, с рождением дочери!

Уверен, она вырастет достойной женщиной, ведь она ваша дочь.

С искренним уважением,

Его императорское высочество, великий князь Виктор Павлович.

Постскриптум. Если вам понадобится любая помощь, вы можете обратиться ко мне»

Рука сжала предмет гордости любого семейства – личную записку от члена правящего рода.

Боль. Страх. Не стремись наверх.

Маленькая девочка, которую муж уже зарегистрировал под именем Катя, улыбнулась в люльке. И Анастасия Александровна почувствовала очередную волну боли. Ей больно от одного только имени её императорского величества.

Но она научится с ним жить. Потому что это её дочь.

Боль настоящая ударила снова, сжигая главу рода Корсаковых на кровати. И из пепла восстало не спокойствие, не равнодушие. Они отняли у неё любовь к ребёнку. Они заставили Анастасию Александровну чувствовать боль каждый раз при упоминании имени собственной дочери.

Ненависть вспыхнула, застывая собой весь мир.

* * *

— Настя, он такой! Такой!

Молодая Екатерина Юрьевна мечтательно смотрела в потолок, как будто там проступил лик будущего императора. Анастасия Александровна же ничего не почувствовала. Впервые за то время, что они вместе с Шереметевой боролись за место под солнцем.

Потому что, стоило подумать о его императорском высочестве, как внутри становилось тревожно. Так тревожно, что помогает лишь присутствие рядом молодого красавчика Владимира Елисеевича.

Боль. Страх. Не смей приближаться к Михаилу Константиновичу.

Удивительно, как правильный человек рядом меняет твои приоритеты.

Твои ли?

* * *

— Ваша милость, Екатерину Владимировну похитили!

Анастасия Александровна сорвалась с места в одно мгновение. Не рассуждая, не спрашивая. Охрана уже установила, где находился автомобиль, в котором ехала её дочь. По пути она вспомнила обещание великого князя о помощи и тут же отбросила.

Боль. Страх. Не смей приближаться к Долгоруковым.

Даже сейчас, когда дочь похитили, она не могла принять помощь великого князя. У неё отняли право защищать собственного ребёнка!

Ненависть превратилась в ярость, от которой в гостевой комнате особняка графов Корсаковых полыхнуло фиолетовое пламя.

* * *

Иван Владимирович Корсаков.

Мне едва удалось отшвырнуть Василия Алексеевича от матушки. Задержись я на мгновение, и фиолетовое пламя уничтожения сожрало бы менталиста так, что осталась бы только пустая одежда. А так Лопухин просто рухнул на пол, в его глазах плескались слёзы и ужас.

Он видел, как за моей спиной разворачивается магическое пламя поглощения. И понимал, что только что разминул со смертью. Но страх погнал его дальше, и потому бывший будущий император принялся отползать спиной вперёд, не отрывая взгляда от растущей за моими плечами фиолетовой бездны.

Удар матушки лёг на меня, коснулся плеч. И прошёл насквозь, не причинив вреда, но не опав. Какой бы сильной и яростной глава рода Корсаковых ни была, своих детей она защищала всегда.

Я зачерпнул собственной силы, выстраивая барьер на пути матушкиной мощи. У нас в особняке полно людей, которых убьёт мгновенно, стоит пламени главы рода коснуться их. И в тот же миг, как окутал её магию своей, я понял, насколько между нами чудовищная разница. Тонкая плёнка моего дара была лишь микроном на поверхности кипящего мирового океана.

— Мама! — выкрикнул я, прежде чем она смела мою защиту.

Всё прекратилось мгновенно. Свечение погасло, и я увидел не Анастасию Александровну Корсакову, главу рода и корпуса целителей, а ту самую маму, которую встретил в этом мире, переродившись. Молодую женщину со сложной судьбой, но не сломавшуюся ради собственных детей.

И сейчас она, сжавшись в комок на кровати, плакала от пережитой заново боли, зажмурив глаза.

Я обернулся к Василию Алексеевичу, уже вставшему на ноги и прижавшемуся к стене так, будто планировал через неё просочиться насквозь.

— Ты закончил?

Он не сразу услышал мой вопрос, пришлось повторить.

— Василий, ты закончил?

Вот теперь он заметил моё присутствие и быстро закивал. Кажется, у него седины в волосах прибавилось от пережитого испуга.

— Я почти добрался до связки, — сказал он. — Нужно продолжить.

Я посмотрел на мать. Оставлять её в таком состоянии было не просто плохо, это было чертовски опасно. Куда там Безумному Ивану, ярость Анастасии Александровны Корсаковой могла спалить полстолицы, если дать ей выйти наружу.

— Работай, Лопухин, — сквозь зубы велел я. — И не думай, что ты уйдёшь отсюда живым, если что-то будет не так.

Василий Алексеевич приблизился к кровати осторожно. А я взял матушку за руку и погладил пальцы.

— Всё будет хорошо, мама. Я здесь, с тобой.

Услышав мой голос, она не открыла глаза, но я увидел безо всякой магии, что Анастасия Александровна чуть расслабилась. Как будто нашла опору, за которую можно держаться. Я почувствовал, как она сжимает мои пальцы сильнее, и оглянулся в сторону Лопухина.

— Продолжай. Сейчас же.

Он кивнул и протянул руки к голове матушки. Стоило холодным синим пальцам коснуться её сознания, как её тело вздрогнуло. Василий был абсолютно прав: ей было очень больно. Но и мне не легче смотреть, как она страдает. Было невыносимо.

Я повернул голову к Лопухину, ощущая непреодолимое желание свернуть ему шею. А потом добраться до каждого имени в папке. И сделать так, чтобы эти люди пожалели не просто о том, что сделали с матушкой, а о том, что вообще родились на свет.

Но Василий Алексеевич был напуган, вспотел, поседел от страха. Однако работал. И потому ещё жил. А как долго у него получится сохранять свою полезность, мы оценим потом.

Потому что снятие воздействия не отменяет совершённого. И я всё равно возьму с Лопухиных полной мерой. Даже если для этого придётся ждать ещё двадцать лет, я заставлю их пожалеть, что они взялись за этот заказ.

* * *

Василий Алексеевич уехал только под утро. Ни я, ни матушка не стали с ним прощаться, так что Лопухину, истратившему весь свой резерв за эти вечер и ночь, пришлось уходить самому. Впрочем, он был так рад, что уходит живым, что подобные мелочи его явно не волновали.

А мы с матушкой всё ещё оставались в гостевой комнате. Она лежала на кровати, с высохшими дорожками слёз на лице, пережитой болью в глазах. И фиолетовым пламенем ненависти, пылающем в радужке. Я сидел на постели, держал её за руку и гладил пальцы.

— Это было не совсем так, как он рассказывал, — произнесла она, когда молчание затянулось. — Я не просто проживала все моменты, когда чувствовала эффект воздействия. Я могла их оценить без ментального вмешательства. Так, будто смотрела на каждое событие уже избавленной от влияния. Я думала, переживу всё и будет несложно. Но потом поняла, что, когда ваш отец назвал мою дочь Катей, на её имени тоже появилась связь. Каждый раз оно вызывало у меня боль, Ваня.

Я слушал молча. Не потому, что не мог ничего сказать для поддержки, а потому, что сейчас ей это не требовалось. Нельзя было сказать, что всё теперь будет хорошо, потому что хорошо не будет. Двадцать лет влияния никуда не делись, решения остались, последствия — тоже.

И теперь со всем этим предстояло как-то жить.

— Не знаю, — продолжила матушка, — помнишь ли ты, что с одиннадцати лет каждый год получал личные приглашение на бал лучших гимназистов от великого князя.

— Помню, мам, — подтвердил я.

— И я каждый раз врала тебе, потому что было слишком больно сближаться с ним. Со всеми ими, Долгоруковыми, Шереметевыми. Мне предлагали должность главы корпуса много лет назад, Ваня. А я... Отказалась. Потому что установка Лопухиных требовала отказываться от власти, от влияния, от любой попытки взобраться выше.

Она не заплакала в этот раз, лишь сильнее сжала мои пальцы.

— И когда Катю похитили, я могла попросить у Виктора помощи, — признала она. — Могла бороться. Я обязана была бороться, я мать, я должна была защищать своего ребёнка. Но эти твари... Боль была такой сильной, что я даже не подумала о том, чтобы попросить у него помощи. А он... Он все эти годы пытался помочь мне, Ваня. Он приходил лично, поздравлял с вашим рождением и каждый раз предлагал помощь. Он пытался всё исправить, как мог. Понимаешь?

Я кивнул, примерно догадываясь, как мыслил Виктор Павлович, и как теперь для матушки это стало откровением. Раньше ей мешало трезво оценивать из-за влияния Лопухиных. Но теперь, когда она смогла заново переосмыслить всю свою жизнь, очевидное становилось фактом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.